

RU

Интерпретация образа Евгения Онегина в китайской пушкинистике

Чжу Янь

Аннотация. Цель исследования - определить особенности интерпретации образа Евгения Онегина в китайской пушкинистике с 1900-х по 2010-е годы. В статье проясняется динамическое развитие интерпретации образа Онегина, при этом выяснены социально-исторические причины различных подходов. Научная новизна исследования заключается в том, что статья вводит новый для российского литературоведения материал по интерпретации образа Евгения Онегина в Китае. В результате доказано, что за столетнюю историю восприятия образ Онегина часто обретает китайские особенности. Литературный тип Онегина постоянно вызывает дискуссии среди китайских литературоведов, а оценка Онегина менялась с отрицательной на положительную.

EN

Interpretation of Eugene Onegin's Image in Chinese Pushkin Studies

Zhu Yan

Abstract. The purpose of the research is to determine the particularities of interpretation of Eugene Onegin's image in Chinese Pushkin studies from the 1900s to the 2010s. The paper clarifies the dynamic development of interpretation of Onegin's image, at the same time identifying the socio-historical reasons for various approaches. Scientific originality of the research lies in the fact that the paper introduces material on the interpretation of Eugene Onegin's image in China, which is new for Russian literary studies. As a result, it has been proved that over the hundred-year history of its perception, Onegin's image often acquired Chinese traits. The literary type of Onegin constantly provoked discussions among Chinese literary critics and Onegin's assessment changed from negative to positive.

Введение

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена рядом причин. Первая причина заключается в пристальном внимании китайского литературоведения к роману «Евгений Онегин» и особенно к одноименному герою. Вторая причина – это необходимость осмысления особенностей восприятия образа Онегина в китайской пушкинистике.

Для достижения цели исследования необходимо решить ряд задач: 1) разделить рецепцию романа «Евгений Онегин» в Китае на несколько периодов в соответствии с культурным и социально-политическим изменением в Китае; 2) проанализировать работы исследователей по данной тематике, выявить специфику интерпретации образа Онегина в каждом отдельном периоде; 3) выявить общие особенности интерпретации образа Онегина в китайской пушкинистике.

Для того чтобы выявить особенности интерпретации образа Евгения Онегина в китайской пушкинистике, в статье применяется сравнительно-исторический метод.

Теоретическую базу составил научный труд литературоведа В. Е. Хализева (1987) «Историко-функциональное изучение литературы», в котором отмечается, что смысл любого литературного произведения, его содержание, а также образы персонажей могут по-разному восприниматься представителями разных поколений. Отличия в восприятии того или иного литературного произведения во многом обусловлены сменой эпох, культурных, социальных или политических реалий.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий по сравнительному литературоведению, а также при подготовке материалов, рассматривающих особенности интерпретации романа в стихах в китайской пушкинистике. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров, посвященных рецепции русской литературы в Китае и межкультурной связи России и Китая.

Основная часть

Знакомство с романом в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» в Китае началось сто лет тому назад. Процесс его восприятия во многом был обусловлен изменениями в культурной и социально-политической жизни. Можно сказать, что с первых дней как «Евгений Онегин» был представлен китайским читателям, одноименный герой привлек пристальное внимание китайских исследователей.

В первые два десятилетия XX века перевод романа «Евгений Онегин» на китайском языке еще не появился, о пушкинском романе в стихах было написано лишь несколько ознакомительных очерков (статья японского литератора Гучэн Чжун-Цзи «О менталитете русского народа» (1897), статья «Мо Луо Ши Ли Шуо» (1907) Лу Синя, раздел «Пушкин» в книге «Биографии зарубежных писателей» (1926) Сунь Лянгуна, первая часть в сборнике «Краткое изложение шедевров мировой поэзии» (1982) Ча Шицюаня и Ча Шиджи, вторая глава в книге «История русской литературы» Го Анжэня и т.д.). В связи с этим представление о главном герое было весьма поверхностным, а отношение – достаточно отрицательным.

На раннем этапе осмысления пушкинского шедевра самое большое влияние на интерпретацию образа Онегина оказывали работы Цюй Цюбо. Один из основателей китайской революционной литературы, китайский публицист, прозаик и авторитетный литературный критик, он впервые для китайской аудитории ввел понятие «лишний человек» и полагал, что в образе Онегина Пушкин показал трагическую судьбу части дворянской интеллигенции первой четверти XIX века, которая стремилась к переменам, но ничего не добились. Одновременно Цюй Цюбо подчеркивал пассивный характер Онегина: «...он был бестолковым, невежественным», «...любит ухаживать за женщинами», «...просто эгоист» (瞿秋白, 2004, с. 18). Безусловно, мнение Цюй Цюбо подводило к негативному восприятию Онегина, которое продолжалось в течение длительного времени.

1930-1940-е годы были периодом китайской социальной революции. В это время произошло два крупнейших в истории Китая военных конфликта: война против японских захватчиков (1937-1945) и народно-освободительная война (1946-1949). Многие передовые интеллектуалы боролись за национальное спасение и выживание, используя литературу и искусство как идеологическое оружие, как средство пропаганды национально-освободительных идей. Наметилась постепенная тенденция к повышению оценки Пушкина в Китае: образ Пушкина приравнивается к «поэту революции». В военные годы почти все его произведения трактовались как произведения «революционного реализма» с сильным революционным и бунтарским духом. Естественно, его роман в стихах не являлся исключением. «Евгений Онегин» в Китае расценивался как величайшее произведение Пушкина, в котором поэт реалистично описывал русское общество, как произведение, исполненное иронии, проникнутое критицизмом по отношению к дворянскому обществу.

Примечательно, что в 1930-1940-е годы многими интерпретаторами «романа в стихах» Онегин воспринимался как сугубо отрицательный персонаж. В качестве типичных примеров можно привести статью переводчика Е Чуши «Пушкинский Евгений Онегин» и статью писателя Бай Му «После прочтения Евгения Онегина».

Е Чуши критикует Онегина: «Он всю жизнь был слепым подражателем... все его поведение в романе, а также мизантропическое настроение – не что иное, как простое следование моде» (叶秋士, 1937, с. 20). Бай Му также полагает, что Онегин – «один из поверхностных аристократов», который «поклоняется западноевропейской цивилизации» (白木, 1937, с. 42). Кроме того, Бай Му отмечает, что Онегин – типичная отрицательная фигура, воплощающая особенности той группы людей, которую Пушкин ненавидел – циничных и эгоистичных дворян.

Таким образом, в 1930-1940-е годы пушкинский Онегин воспринимался не столько как художественный образ, сколько как воплощение определенного социального типа, как отрицательный пример, который не вписывался в контекст китайской политики и культуры того времени. Для того чтобы объединить Онегина с его творцом Пушкиным – «поэтом революции», китайские авторы того времени укрепляли и подчеркивали критическое отношение Пушкина к Онегину. Иными словами, с точки зрения китайских литературоведов, Онегин появился в творчестве поэта только в качестве объекта критики.

После образования Нового Китая в 1949 г. лозунг «Учиться у СССР, равняться на СССР!» широко распространился в обществе. На фоне данных социальных преобразований создавались благоприятные условия для перевода и исследования русско-советской литературы. Вслед за разными версиями перевода «Евгения Онегина» появился ряд научных работ, посвященных его изучению. По сравнению с предыдущими двумя периодами в исследованиях этого периода был достигнут существенный прогресс: китайские пушкинисты в основном сосредоточились на осмыслении Онегина как характера и типа. Отметим статьи литературоведов Куан Сина и Лу Фаня, в которых они подробно доказывают, что Онегин является «лишним человеком».

В статье «Онегин – типичный “лишний человек”» Куан Син выражает несогласие с выводом Д. И. Писарева (1956), который расценивал Онегина как «человека безнадежно пустого и совершенно ничтожного» (с. 314), зато полностью соглашается с мнением В. Г. Белинского и А. И. Герцена, считая, что Онегин не является ни отрицательным героем, ни передовым человеком того времени, а именно «лишним человеком». Исследователь утверждает, что в первой главе показывается все высшее общество, существовавшее в то время в России, а Онегин – лишь воплощение обычаев социального класса, к которому он принадлежит; а в последующих главах автор полностью демонстрирует характер Онегина, проводя героя через испытания дружбой и любовью. По мнению китайского литературоведа, отказ Онегина от любви Татьяны, дуэль Онегина с Ленским, преследование Татьяны после путешествия – все это показывает его внутреннюю пустоту и противоречивость характера. «Противоречивый характер Онегина демонстрирует лишь типичные черты этого

аристократического интеллектуального «лишнего человека»» (匡兴, 1962, с. 45). Кроме того, автор статьи объясняет причины разногласий в исторических и текущих спорах об образе Онегина. С одной стороны, разные литературные критики и литературоведы обладают различными позициями, мировоззрениями и принципами; с другой стороны, причина заключается в художественном методе самого Пушкина, избегавшего однозначных оценок и прибегавшего к разного рода недомолвкам и умолчаниям. Куан Син утверждает, что из-за этих двух причин каждый человек может дать свою интерпретацию поведения героя, что в конечном итоге и приводило ко множеству споров между литературными критиками.

Другой китайский исследователь, Лу Фань, придерживался мнения Куан Сина. Рассматривая разные оценки Онегина в России, Лу Фань в статье «О вопросе образа Онегина как лишнего человека» возражал против точки зрения Г. А. Гуковского, который рассматривал Онегина как будущего декабриста. Проанализировав историю создания произведения, исследователь доказывал, что Пушкин не имел намерений изобразить Онегина декабристом. Вместе с тем автор отмечал, что в главе VI Онегин из-за страха перед общественным мнением пошел на дуэль, где убил своего друга. «Здесь отражена не трагедия декабриста, а именно трагедия «лишнего человека»: неудовлетворенность высшим обществом, бессилие, а также невозможность избежать его обычаев и предрассудков» (陆凡, 1962, с. 75). Когда речь идет о сожженной Пушкиным рукописи десятой главы, в которой поэт хотел якобы сделать Онегина декабристом, литературовед придерживается следующего мнения: «Замысел писателя не равносителен самому произведению, все-таки мы не можем делать вывод из этого, что герой является декабристом или революционером» (陆凡, 1962, с. 76).

В заключение Куан Син и Лу Фань приходят к схожим выводам, а именно: нельзя, как Писарев, полностью отрицать достоинства Онегина – это антиисторично; одновременно прогрессивность Онегина нельзя преувеличивать, поскольку это противоречит исторической и художественной достоверности и не соответствует идеологическому и образовательному значению романа в стихах. Оба автора обращаются с призывом применять принципы историзма.

Эти две работы, доказывающие, что Онегин – типичный «лишний человек», опирались на убедительную аргументацию, обширный историко-литературный материал и исследования советских ученых. Хотя на них оказал влияние Цюй Цюбо, несомненно, они демонстрируют высокий уровень литературоведческого анализа, которого смогли достичь китайские исследователи «Евгения Онегина» в 50-60-х годах XX века. Их работы заложили основу для дальнейшей интерпретации Онегина и типа «лишнего человека».

Однако с середины и конца 1950-х годов политические отношения между Китаем и СССР постепенно ухудшились, из-за чего произошел большой перелом в оценке русской классической литературы. По мнению некоторых ультралевых идеологов, русская литература XIX века принадлежала к числу «феодальной, капиталистической и ревизионистской литературы» (陈建华, 2016, с. 161). Соответственно, при анализе образа Онегина многие литературные критики неправильно и необоснованно использовали метод классового анализа.

Одним из таких толкователей был писатель и педагог Лэй Чэндэ. В статье «Об идейном значении и образе характера пушкинского Евгения Онегина. Комментарий к буржуазной мысли в процессе обучения» (雷成德, 1959) он свел анализ образа Евгения Онегина к рассуждениям о его классовой принадлежности. Для Лэй Чэндэ значимо только то, что главный герой относится к классу эксплуататоров, что он оторван от простого народа. В соответствии с таким утверждением Онегин является совершенно легкомысленным, тщеславным и подлым ловеласом. Сегодня видно, что такое толкование не опирается на факты. Автор статьи просто и грубо смешивает академические вопросы с политическими, решает сугубо политические проблемы, пишет о художественном произведении, исходя из социально-политической конъюнктуры.

Кроме того, в рамках системы преподавания, существовавшей в то время в Китае, Онегин определяется как «ненужный человек», «порождение переходного периода», «монстр аристократического воспитания» или «умная ненужность» (徐玉琴, 1999, с. 250).

Итак, в 1950-е и 1960-е годы в Китае появились подлинные научно-исследовательские работы на высоком уровне, в которых приводится объективная оценка Онегина, а также подтверждается тезис о том, что Онегин – типичный «лишний человек». Одновременно были и работы, созданные под политическим давлением, обладающие ярко выраженной идеологической окраской, в которых полностью отрицается образ Онегина.

Процесс исследования «Евгения Онегина» и пушкинского творчества в целом был прерван с середины 1960-х до 1970-х. В этот период практически не появилось никаких работ, посвященных образу пушкинского героя, что было связано с событиями Культурной революции (серия идейно-политических кампаний 1966-1976 гг. в Китае).

После политики «реформ и открытости» (1978 г.) социологический подход остается одним из важных методов интерпретации персонажей. Однако по мере того, как демократическое сознание литературы укоренялось в сознании интерпретаторов, они начали видеть позитивное значение образа «лишнего человека». Одновременно под влиянием новых идей, происходящих из России и Запада, китайские интерпретаторы попытались переосмыслить образ Онегина, применить к нему новые методологические принципы.

На интерпретацию образа Онегина в китайских исследованиях с 1980 по 2010 гг., естественно, наибольшее влияние оказала русская литературная критика. Поэтому в литературоведении Китая долгое время преобладало мнение, что Онегин является «лишним человеком». При этом причины появления «лишнего человека» в основном объясняются социальной средой начала XIX века и особенностью самих интеллектуалов того времени. Например, исследователь Вэй Лин считает, что ««лишние люди», представленные Онегиным в произведении Пушкина, были продуктами социальной среды и воспитания российского общества того времени» (魏玲, 1994, с. 65).

Чжу Дацю придерживается аналогичного мнения: «Образ “лишнего человека” обладает высокой социальной значимостью. Трагические судьбы “Онегиных” приводят к возникновению серьезного социального вопроса: “Кто виноват?”, ответ на который указывает на самодержавие России и ее социальную среду» (朱达秋, 2014, с. 33).

За более чем тридцать лет на самом авторитетном китайском сайте академических статей «Знание» появилось более ста статей, посвященных теме «лишнего человека» Онегина. Среди них стоит отметить статью Ван Чжиляна «Об образной системе и творческом методе “Евгения Онегина”», в которой пушкинист предлагает понимать образ Онегина с точки зрения основного противоречия человечества, то есть противоречия между индивидом и коллективом. Автор считает Онегина человеком, не желающим ни придерживаться индивидуализма, ни посвящать свою жизнь коллективу. Как говорит Герцен (1956), он «никогда не встанет на сторону правительства» и «никогда не сумеет встать на сторону народа». Одновременно с этим, согласно мнению Ван Чжиляна, «с более высокой точки зрения всего человечества “лишний человек” в русской литературе XIX века – это особая историческая форма человеческих существ, которая не смогла разрешить основное противоречие между индивидом и коллективом. Онегин – яркий представитель такого рода людей. Художественное очарование Онегина заключается в его конкретном воплощении этого врожденного вечного противоречия» (智量, 1990, с. 89).

Трактовка Онегина как лишнего человека утвердилась не только в китайской пушкинистике, но и в подавляющем большинстве учебников по истории литературы 1980 по 2010 гг. Вот типичные формулировки из наиболее популярных учебников по русской литературе: «Люди, подобные Онегину, получили название “лишних людей”» (俄罗斯文学史, 1990, с. 183); «Онегин – первый типичный “лишний человек” в истории русской литературы» (世界文学简史, 2002, с. 150); «Онегин – типичный представитель передовой дворянской молодежи 20-х годов XIX в. Он стал первым “лишним человеком”, и эту галерею пополняют вслед за Пушкиным Лермонтов, Тургенев, Герцен, Гончаров» (俄罗斯文学史, 2008, с. 132).

Несмотря на то, что понимание Онегина как «лишнего человека» в китайском пушкиноведении уже стало общепринятым мнением, существуют и другие точки зрения. Мы перечислим наиболее интересные трактовки.

В 1982 году литературовед Бо Тао опубликовал статью под названием «Является ли Евгений Онегин лишним человеком?», где оспорил устоявшуюся в советском и китайском литературоведении трактовку образа Евгения Онегина как «лишнего человека». Бо Тао оправдывал Онегина, приводя при этом несколько аргументов: Онегин всегда показывал истинные чувства, относился к дружбе и любви без лицемерия. Кроме того, Онегин много читал и имел прогрессивные идеи, направленные против самодержавия и тирании. Говоря о деятельности героя, Бо Тао утверждает, что из-за феодально-крепостнического общества Онегин потерпел неудачу в преобразовании своего имени, а из-за боязни царской цензуры ничего не написал и не мог стать поэтом (波涛, 1982, с. 76).

По мнению интерпретатора, русские критики и литературоведы видели только праздность и цинизм Онегина, именно поэтому Онегин определялся как «лишний человек». Можно сказать, Бо Тао не вникает в сущность понятия «лишний человек», которое закрепилось в русском и китайском литературоведении, и не понимает противоречивого характера пушкинского героя: Онегин хочет, но не может найти правильный жизненный путь; Бо Тао не видит важнейших черт «лишнего человека»: отчуждение Онегина от общества, его отдаленность от народа.

Другой китайский литературовед Лю Фэнгуан для определения Онегина предлагал термин «заурядный человек». По его определению, «заурядный человек – это художественная эстетическая категория. Заурядный человек не прогрессист и не реакционер, ни плох и ни хорош. Он находится на средней ступени, расположенной между положительными и отрицательными персонажами» (刘奉光, 1986, с. 113). Анализируя несколько фрагментов из романа в стихах, Лю Фэнгуан подтверждал, что Онегин не был ни радикальным декабристом, ни консерватором, упорно поддерживавшим царя и крепостное право; он не был ни дельцом, ни дармоедом, ни эксплуататором, ни благотворителем. Исходя из этих соображений, автор называет Онегина «заурядным человеком».

Мнение Лю Фэнгуана потом было полностью опровергнуто литературоведом Ли Сяньяном в статье «“Лишний человек” или “заурядный человек”?»: «...деление литературных образов на “положительных персонажей”, “заурядных персонажей” и “отрицательных персонажей” на самом деле является заменой литературной критики упрощенным политическим моральным суждением. Это далеко не “художественная эстетическая категория”» (李向阳, 1989, с. 72).

Безусловно, Онегин является героем определенной эпохи и представителем определенного класса, обладающим тем не менее неповторимыми особенностями характера. Его характер сложен, и не следует определять тип Онегина как «положительный», «отрицательный» или «заурядный». Понятие «лишний человек» применимо к образу Онегина и вовсе не отменяет его индивидуального своеобразия, поскольку он содержит множество сложных исторических и реалистических особенностей.

Кроме понятия «заурядный человек» в китайское литературоведение благодаря образу Онегина вошло понятие «маргинальный человек», которое предложил педагог Пэн Тичунь в статье «Маргинальный человек. Попытка анализа Евгения Онегина». По определению Пэн Тичуня, к типу «маргинального человека» относятся «люди с двумя или более характерами (в литературных произведениях обычно проявляющимися как противоречивые характеры). Такие люди, как правило, имеют трагическую судьбу, но основной причиной этой судьбы является не сам характер, а противоестественная среда, в которой формируется этот характер» (彭体春, 1998, с. 41). Автор статьи отмечает, что понятие «лишний человек» говорит о роли человека в обществе: «...“лишний” значит бесполезный для общества» (彭体春, 1998, с. 41); а понятие «маргинальный человек» подразумевает характер человека. Подтверждая свою мысль, Пэн Тичунь обращал внимание на «особую социальную среду», в которой жил Онегин: в начале XIX века аристократическая молодежь стремилась к свободе и равенству, но самодержавное устройство русского общества превращало это стремление в пустую формальность. Кроме того, аристократия

обожала все иностранные обычаи и слепо подражала западным образцам жизни, однако, подтверждает автор статьи, аристократы того времени не могли полностью отказаться от многих особенностей русской культуры. Онегин жил именно в такой социальной среде, полной противоречий. Далее в статье подробно рассматриваются противоречия в характере Онегина, вызванные «особой социальной средой»: «Он презирает родственное чувство (с дядей), но делает вид, что ценит его; он дорожит дружбой, но разрушает ее своими руками; он устает от любви, когда может ее получить; и преследует ее, когда не может. Именно особая среда обуславливает все его поступки, заканчивающиеся трагически» (彭体春, 1998, с. 46).

В своей статье Пэн Тичунь многократно подчеркивает, что социальная среда создает противоречивый характер Онегина и способствует его трагической судьбе. Но может ли это стать аргументом в пользу того, что Онегин является «маргинальным человеком»? На наш взгляд, такая трактовка является достаточно вольной. Другой китайский ученый, Чжоу На, утверждает, что между «лишним человеком» Онегиным и «маргинальным человеком» больше отличий, чем схожих черт. По словам Чжоу На, у маргинального человека важными чертами являются высокая самостоятельность и личная инициатива, которые помогают ему изменить свою судьбу на практике. Онегин является «гигантом мысли, но карликом дел».

Независимо от того, к какому литературному типу принадлежит Онегин, современные китайские литературоведы стремятся понимать его человеческую природу в более глубоком и широком масштабе, основываясь на детальном анализе текста. Анализ и критика характера Онегина в основном сосредоточены на следующих трех вопросах. Во-первых, почему Онегин отверг Татьяну, когда она с радостью и нежностью призналась ему в любви? Во-вторых, зачем Онегин, дразнивший Ленского и приглашавший Ольгу на танец, принял вызов на дуэль и убил своего друга? В-третьих, почему Онегин, после многих лет путешествий вернувшийся в Петербург и встретивший повзрослевшую Татьяну, воспылал к ней страстью и, несмотря ни на что, преследовал ее? В ответах на эти вопросы наблюдаются две тенденции.

Одна точка зрения фокусируется на негативных аспектах человеческой природы Онегина, таких как слабость, эгоизм и лицемерие. Такого мнения придерживаются Ван Бичэн в статье «Любовная трагедия Татьяны» (王璧城, 1985), Куан Син в статье «Переосмысление типичного характера образа Онегина» (匡兴, 1999), У Пинчунь в статье «О “лишнем человеке” Евгении Онегине» (吴平春, 2019) и т.д.

Однако значительное число интерпретаторов романа в стихах отстаивают иную точку зрения и, наоборот, подчеркивают искренность, храбрость, щедрость, жертвенность Онегина, его заботу о близких. Среди подобных статей стоит отметить следующие: «Прогрессивный дворянский молодой человек – об Онегине» (周敏显, 1983), «Пробный анализ двойственности характера Онегина. Полемика с Ван Бичэном» (刘平, 1987), «Повторное обсуждение “лишнего человека”». Краткое рассуждение о добре и зле в “Евгении Онегине”» (赵宪彪, 2009), «Страдание “лишнего человека”. Анализ образа Евгения Онегина» (刘素梅, 2014), «Почему Онегин отказался от Татьяны? Хандра и ее метафора в “Евгении Онегине”» (宋德发, 王玲霞, 2021) и т.д.

Очевидно, что в отличие от преимущественно негативной оценки Онегина в прошлом китайские литературоведы постепенно начали выявлять положительные аспекты характера Онегина. Типичными примерами служат статьи «О двойственности образа Онегина» (卢兆泉, 1981) и «Прогрессивный дворянский молодой человек (об Онегине)» (周敏显, 1983). На основе подробного анализа текста произведения оба автора придерживаются мнения, что Онегин является типичным представителем прогрессивной дворянской интеллигенции, и утверждают, что при анализе его образа как «лишнего человека» нельзя игнорировать прогрессивность Онегина. Для доказательства литературоведы упоминают проведение Онегиным преобразований в усадьбе и отмечают критическое отношение Онегина к действительности.

Действительно, положительные стороны «лишнего человека» Онегина достойны отдельного упоминания. Так, в любом обществе, где царит иррациональность, нелегко сохранить собственную индивидуальность, придерживаться своей свободы выбора и не вырождаться. Социальные изменения часто являются результатом революции, борьбы оппозиции с правительством, но также и результатом отказа реформистов сотрудничать, результатом деятельности многих «лишних людей», которые завоевали свой путь к спасению страны через пассивное сопротивление.

Заклучение

Исходя из вышесказанного, мы видим, что до 1978 года интерпретации образа Онегина не отличались глубиной и разнообразием. Нередко под политическим давлением понимание Онегина носило ярко выраженную идеологическую окраску. Кроме того, пушкинский герой воспринимался не столько как художественный образ, сколько как воплощение определенного социального типа, как отрицательный пример, из чего китайский народ должен извлечь уроки.

После политики «реформ и открытости» литературные исследования постепенно избавлялись от политического влияния. На новом этапе изучения пушкинского романа в стихах китайским интерпретаторам образа Онегина представляется больше возможностей.

Вопросы о том, к какому литературному типу принадлежит Онегин и как оценить его характер, постоянно вызывают дискуссии среди китайских литературоведов, поскольку не существует общепринятой, единственно верной трактовки этого образа.

Несмотря на существование в настоящее время множества различных интерпретаций образа Онегина, по большей степени доминирует мнение о том, что Онегин является «лишним человеком» (что согласуется

и с давней традицией русской пушкинистики). Одновременно с этим в современной китайской пушкинистике образ Онегина уже не трактуется однозначно негативно; подавляющее большинство толкователей уже не видят в нем циничного и эгоистичного представителя аристократии. В основном акцентируются положительные стороны личности Онегина. Для китайской аудитории он больше не является представителем какой-то абстрактной идеологии или какого-то класса, поскольку идеология – больше не главная отправная точка для анализа произведения русского поэта. Онегин теперь представлен как яркая и живая личность. Интерпретаторы пушкинского романа в стихах по большей части всесторонне рассматривают образ Онегина.

Таким образом, возвращение к «человеческим» качествам главного героя стало важнейшей особенностью критического анализа и интерпретации «Евгения Онегина» в современной китайской пушкинистике. Помимо этого, китайские исследователи пытаются проанализировать, интерпретировать и определить образ Онегина в контексте своей собственной литературной теории. Хотя некоторые тезисы и аргументы являются незрелыми или несовершенными, они позволяют интерпретации образа Онегина обрести китайские особенности, что, в свою очередь, делает образ Онегина более доступным и более понятным для китайских читателей в настоящее время.

Перспективы дальнейшего исследования видим в углубленном изучении интерпретации образа Онегина и рецепции романа «Евгений Онегин» в китайской пушкинистике.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

EN The reported study was funded by the scholarship of the Shenzhen Government and the Shenzhen MSU-BIT University.

Источники | References

1. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России. 1956. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0360.shtml
2. Писарев Д. И. Сочинения: в 4-х т. М., 1956. Т. 3.
3. Хализев В. Е. Историко-функциональное изучение литературы. 1987. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/articles/47/istoriko-funkcionalnoe-izuchenie.htm>
4. *История русской литературы: уч. пособие для студентов бакалавриата по специальности «Русский язык»* / под ред. Чжэн Тиу. Шанхай: Шанхайское издательство по образованию в области иностранных языков, 2008 (История русской литературы: уч. пособие для студентов бакалавриата по специальности «Русский язык» / под ред. Чжэн Тиу. Шанхай: Шанхайское издательство по образованию в области иностранных языков, 2008).
5. *История русской литературы* / под ред. Чжоу Сианьминь. Шанхай: Шанхайская пресса по обучению иностранным языкам, 1990 (История русской литературы / под ред. Чжоу Сианьминь. Шанхай: Шанхайская пресса по обучению иностранным языкам, 1990).
6. 刘奉光. 是中间人物, 不是“多余的人”--谈叶甫盖尼·奥涅金形象的社会意义 // 齐鲁学刊. 1986. 第2期 (Лю Фэнгуан. Это заурядный человек, а не «лишний человек» - о социальной значимости образа Евгения Онегина // Вестник Цилу. 1986. № 2).
7. 刘平. 试论奥涅金性格的二重组合: 兼与王璧城同志商榷 // 外国文学研究. 1987. 第2期 (Лю Пин. Пробный анализ двойственности характера Онегина. Полемика с Ван Бичэном // Изучение иностранной литературы. 1987. № 2).
8. 刘素梅. “多余人”的苦恼--叶甫盖尼·奥涅金形象分析 // 名作欣赏. 2014. 第15期 (Лю Сумэй. Страдание «лишнего человека». Анализ образа Евгения Онегина // Чтение литературных шедевров. 2014. № 15).
9. 匡兴. 对奥涅金形象典型性质的再认识 // 俄罗斯文艺. 1999. 第2期 (Куан Син. Переосмысление типичного характера образа Онегина // Русская литература и искусство. 1999. № 2).
10. 匡兴. “论奥涅金是‘多余人’的典型” // 北京师范大学学报. 1962. 第2期 (Куан Син. Онегин - типичный «лишний человек» // Газета Пекинского педагогического университета. 1962. № 2).
11. 卢兆泉. 论奥涅金形象的两重性 // 杭州师范学院学报 (社会科学版). 1981. 第2期 (Лу Чжаоцюань. О двойственности образа Онегина // Вестник Ханчжоуского педагогического университета (издание по общественным наукам). 1981. № 2).
12. 叶秋士. 普希金的叶甫格尼奥涅金 // 新中华. 1937. 第7期 (Е Чуши. Пушкинский Евгений Онегин // Новый Китай. 1937. № 7).
13. 吴平春. 论“多余人”叶甫盖尼·奥涅金 // 文学教育 (上). 2019. 第11期 (У Пинчунь. О лишнем человеке Евгении Онегине // Литературное образование (Часть 1). 2019. № 11).
14. 周敏显. 先进贵族的青年--论奥涅金 // 《普希金创作评论集》桂林: 漓江出版社, 1983 (Чжоу Сианьминь. Прогрессивный дворянский молодой человек (об Онегине) // Сборник статей о творчестве А. С. Пушкина / под ред. Гэ Баоцюань. Гуй Линь: Лицзяньское издательство, 1983).
15. 宋德发, 王玲霞. 奥涅金为何拒绝达吉雅娜?--《叶甫盖尼·奥涅金》中的抑郁症及其隐喻 // 俄罗斯文艺. 2021. 第1期 (Сун Дефа, Ван Линся. Почему Онегин отказался от Татьяны? Хандра и ее метафора в романе «Евгений Онегин» // Русская литература и искусство. 2021. № 1).
16. 彭体春. 边缘人--试评叶甫盖尼·奥涅金 // 西昌师范高等专科学校学报. 1998. 第2期 (Пэн Тичунь. Маргинальный человек. Попытка анализа Евгения Онегина // Вестник Сичанского педагогического колледжа высшего образования. 1998. № 2).

17. 徐玉琴. 我在大学里讲《奥涅金》-30年教学的曲折经历 // 普希金与 / 我孙绳武, 卢永福主编. 北京: 人民文学出版社, 1999 (Сюй Юйцинь. Я преподаю «Евгения Онегина» в университете. Трудный педагогический опыт за 30 лет // Пушкин и я / под ред. Сунь Шэнву, Лу Юнфу. Пекин: Народная литература, 1999).
18. 智量. 论《叶甫盖尼·奥涅金》的形象体系与创作方法 // 外国文学评论. 1990. 第3期 (Ван Чжилян. О системе образов и творческом методе «Евгения Онегина» // Критика зарубежной литературы. 1990. № 3).
19. 朱达秋. 作为记忆形象的多余人- 俄罗斯文学与文化记忆 // 外国语文. 2014. 第30期 (Чжу Дацю. Лишний человек как образ памяти. Русская литературная и культурная память // Иностраный язык. 2014. № 30).
20. 李向阳. 是“中间人物”, 还是“多余的人”?--就叶甫盖尼·奥涅金形象与刘奉光同志商榷 // 丽水师专学报. 1989. 第4期 (Ли Сианян. «Лишний человек» или «заурядный человек»? Спор с товарищем Лю Фэнгуаном об образе Евгения Онегина // Вестник Лишуйского педагогического университета. 1989. № 4).
21. 李明滨主编. 世界文学简史. 北京: 北京大学出版社, 2002 (Краткая история мировой литературы: учебник для вузов / под ред. Ли Минбинь. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2002).
22. 波涛. 叶甫盖尼·奥涅金是“ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК”吗? // 外语教学. 1982. 第2期 (Бо Тао. Является ли Евгений Онегин лишним человеком? // Обучение иностранным языкам. 1982. № 2).
23. 王璧城. 漫笔达吉雅娜的爱情悲剧 // 外国文学欣赏. 1985. 第2期 (Ван Бичэн. Любовная трагедия Татьяны // Чтение иностранной литературы. 1985. № 2).
24. 白木. 读欧根·奥涅金走笔 // 苏俄评论. 1937. 第2期 (Бай Му. После прочтения Евгения Онегина // Критики о СССР и России. 1937. № 2).
25. 瞿秋白. 俄国文学史 (1922). 上海: 复旦大学出版社, 2004 (Цюй Цюбо. История русской литературы. Шанхай: Изд-во Фуданьского университета, 2004).
26. 赵宪彪. 再论多余人: 《叶甫盖尼·奥涅金》善恶之辨浅谈 // 内蒙古农业大学学报(社会科学版). 2009. 第5期 (Чжао Сяньбяо. Повторное обсуждение «лишнего человека». Краткое рассуждение о добре и зле в «Евгении Онегине» // Вестник Сельскохозяйственного университета Внутренней Монголии (издание по социальным наукам). 2009. № 5).
27. 陆凡. 关于奥涅金是“多余人”的形象问题 // 文史哲. 1962. 第3期 (Лу Фань. К вопросу об образе Онегина как лишнего человека // Литература, история и философия. 1962. № 3).
28. 陈建华. 中国外国文学的研究历程-苏俄文学的研究历程. 重庆: 重庆出版社, 2016. 第7卷 (Академическая история изучения иностранной литературы в Китае: в 12-ти т. / под ред. Чэнь Цзаньхуа. Чунцин: Чунцинское изд-во, 2016. Т. 7. Академическая история советско-русской литературы).
29. 雷成德. 论普希金的《欧根·奥涅金》的思想意义和人物形象-兼评教学中的资产阶级思想 // 内蒙古师范学院学. 1959. 第1期 (Лэй Чэндэ. Об идейном значении и образе характера пушкинского Евгения Онегина - и комментарий к буржуазной мысли в процессе обучения // Газета педагогического университета Внутренней Монголии. 1959. № 1).
30. 魏玲. 论俄罗斯文学中的“多余人”形象 // 国外文学. 1994. 第4期 (Вэй Лин. Об образах «лишних людей» в русской литературе // Иностранная литература. 1994. № 4).

Информация об авторах | Author information

RU Чжу Янь¹
¹ Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай;
 Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

EN Zhu Yan¹
¹ Shenzhen MSU-BIT University, The People's Republic of China;
 Lomonosov Moscow State University

¹ zhuyan5148@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.03.2022; опубликовано (published): 31.05.2022.

Ключевые слова (keywords): особенности интерпретации; образ Евгения Онегина; китайская пушкинистика; роман «Евгений Онегин»; тип «лишнего человека»; particularities of interpretation; Eugene Onegin's image; Chinese Pushkin studies; novel "Eugene Onegin"; type of the "superfluous man".